

Научная статья
УДК 81'373.2
doi: 10.17223/19986645/88/2

Ex onomasticā origine: об истории и методологии Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики

Елена Львовна Березович¹, Ксения Викторовна Осипова²

^{1,2} Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ berezovich@yandex.ru

² osipova.ks.v@yandex.ru

Аннотация. Ведущим направлением исследований Уральской школы этимологии, ономастики и этнолингвистики (Екатеринбург) является изучение ономастики, этимологической реконструкции лексики и выявление результатов языковых контактов. В работе рассмотрены основные принципы этнолингвистических исследований школы: преобладающие объекты анализа и ключевые источники этнокультурной информации, основные методы, принципы семантико-мотивационной реконструкции и способы представления этнокультурной информации.

Ключевые слова: ономастика, этнолингвистика, этимология, диалектология, Уральский федеральный университет, история науки, научные школы

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439>.

Для цитирования: Березович Е.Л., Осипова К.В. Ex onomasticā origine: об истории и методологии Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 20–47. doi: 10.17223/19986645/88/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/88/2

Ex onomasticā origine: About the history and methodology of the Ural school of onomastics, etymology and ethnolinguistics

Elena L. Berezovich¹, Ksenia V. Osipova²

^{1,2} Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ berezovich@yandex.ru

² osipova.ks.v@yandex.ru

Abstract. The article discusses the history and methodology of the Ural school of etymology, onomastics and ethnolinguistics, which has existed for more than 60 years at the Department of the Russian Language and General Linguistics of the Ural

University (currently under the guidance of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences E.L. Berezovich and Prof. M.E. Ruth). The review summarizes the methodology of research conducted by the school at the beginning of the 21st century. The main vector of the development of the School, set by the founder of the school A.K. Matveev, is associated with the study of onomastics, the etymological reconstruction of vocabulary and the identification of the results of language contacts. Initially, toponymy was the area of interest, then collective nicknames, astronyms, chrononyms and ethnonyms, as well as various categories of appellative vocabulary, were included in the circle of facts studied. The school's research is based mainly on its own lexical, onomastic and ethnographic materials collected in the process of field research on the territory of the Russian North. The materials of the card files of the Toponymic Expedition formed the basis of many lexicographic publications. The appearance of the first ethnolinguistic studies was due to the accumulation of experience in the semantic and etymological study of Russian dialect and Slavic vocabulary, as well as systemic ideographic analysis. The ethnolinguistic study of onomastics began with the works of M.E. Ruth on folk astronomy, E.L. Berezovich on North Russian toponymy and was continued in the dissertations of their followers. The paper presents (1) the basic principles of the ethnolinguistic study of onomastics and dialect vocabulary (linguocentricity, breadth of language material, consistency, dialectality, diachronism, a wide historical and cultural context); (2) key sources of ethno-cultural information (internal form of the word, structure of the meaning of the word, semantic-motivational connections of the word, configuration of the ideographic grid); (3) the predominant objects of analysis (semantic-derivational nest, semantic-motivational field); (4) the main methods (motivational, contrastive, areal-typological, ideographic, field and contextual analysis method, etc.); (5) the principles of semantic-motivational reconstruction (maximum systematization of the material, the method of semantic-motivational modeling, distributive analysis, the search for typologically similar phenomena in other languages, the search for semantic parallels in the field of culture); (6) ways of presenting ethnocultural information (method of ethnolinguistic portraiture). A new research direction of the School was the study of the terminology of mining and jewelry, the folk nomenclature of stone, including sociolects – the jargon of miners, prospectors, mineralogists; the slang of illegal diggers; trade names.

Keywords: onomastics, ethnolinguistics, etymology, dialectology, Ural Federal University, history of science, scientific schools

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 23-18-00439: *Onomasticon and Linguocultural History of European Russia*, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00439/>).

For citation: Berezovich, E.L. & Osipova, K.V. (2024) *Ex onomasticā origine: About the history and methodology of the Ural school of onomastics, etymology and ethnolinguistics. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 88. pp. 20–47. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/88/2

В статье речь пойдет об истории и методологии научной школы, которая более 60 лет существует на кафедре русского языка и общего языкознания (ныне русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации) Уральского университета (Свердловск – Екатеринбург). Нынешнее «официальное» название школы – Уральская школа этимологии, ономастики и эт-

нолингвистики. Основатель школы и ее научный руководитель на протяжении более 40 лет – замечательный языковед и педагог, доктор филологических наук, чл.-кор. РАН А.К. Матвеев (1926–2010); сейчас руководят школой его ученицы – чл.-кор. РАН Елена Львовна Березович и проф. М.Э. Рут¹.

Начало формирования школы относится к рубежу 1950–1960-х гг. и связано с работами А.К. Матвеева, посвященными анализу языкового субстрата и заимствований в ономастике и лексике Русского Севера, Урала и Западной Сибири. А.К. Матвеев возглавлял кафедру, задавая вектор научного интереса к севернорусским (и дочерним по отношению к ним) говорам, изучению **ономастики** (в первую очередь топонимии), **этимологической реконструкции** лексики и выявлению результатов **языковых контактов**. Системное изучение этих вопросов позволило обнаружить историко-культурное своеобразие изучаемых территорий: особенности древнейшего расселения народов, традиции быта, типы хозяйствования, род промысловой деятельности, а также характер контактов с соседними народами. Новизна, лингвистическая и историко-культурная ценность подобных выводов стала толчком к развитию **этнолингвистического направления** научных исследований, нацеленных на реконструкцию материальной и духовной культуры народа на основе анализа языковых данных. Появлению первых этнолингвистических исследований способствовало накопление опыта семантического и этимологического изучения русской диалектной и славянской лексики, а также системного идеографического анализа.

Если ономастика, этимология и этнолингвистика – три кита нашей работы, то «плавают» они в первую очередь в «море» полевого материала. Установка на **полевой сбор** – важнейший методологический принцип школы. С 1960 г. Топонимическая экспедиция Уральского университета (крупнейшая в Европе) работает на территории Свердловской, Вологодской, Архангельской, Костромской областей (главным образом), а также в Кировской, Пермской, Тюменской, Ярославской, Ивановской, Омской, Челябинской и Мурманской областях, Карельской и Башкирской АССР и Красноярском крае. Изначально основной задачей экспедиции был сбор топонимии и географической терминологии, но постепенно в круг собираемых фактов были включены другие разряды ономастики – антропонимия (особенно прозвищная), этнонимия, хрононимия, астрономия и др. Разумеется, в поле зрения участников экспедиции не могла не попасть диалектная лексика: сначала те разряды, которые «питают» топонимию (особенно географическая терминология), затем более широкий спектр лексических групп, включающих в себя заимствованные (субстратные) единицы – метеорологическая, рыболовецкая, охотничья лексика etc., а далее в эту воронку втянулись и практически все возможные лексические разряды.

---

¹ История развития школы (преимущественно в XX в.) отражена в работах [1–5].

Для уральской экспедиции принципиальное методическое значение имеет **фронтальный и тематически направленный** сбор, охватывающий как все населенные пункты обследуемой территории, так и максимальный набор тематических сфер. С конца 1990-х гг. регулярной стала запись лексикологии духовной культуры (терминологии обрядов и верований, свидетельств из области этноботаники, этноминералогии, народной медицины и др.), а также того, что ее окружает, – описаний акциональной стороны ритуалов, текстов малых фольклорных жанров, прежде всего тех из них, которые включают обрядовую терминологию, etc. Методика полевого обследования предполагает выявление системных и контекстных связей слова, а также максимально возможное уточнение семантико-словообразовательных и мотивационных связей слова.

Возможность проведения этнолингвистических исследований была обеспечена последовательной **лексикографической** работой: были выпущены «Словарь говоров Среднего Урала» (7 томов и том дополнений) [6], «Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области» [7], продолжается работа над «Словарем говоров Русского Севера» [8]. Большую значимость для школы имеет и ономастическая лексикография: топонимические словари (А.К. Матвеев [9, 10], Е.Э. Иванова [11]), словари астрономов (М.Э. Рут [12]), коллективных прозвищ (Ю.Б. Воронцова [13]), хронимов (О.В. Атрошенко, Ю.А. Кривошапова, К.В. Осипова [14]). Основой большинства проводимых исследований становился севернорусский материал (см. труды А.К. Матвеева, Е.Л. Березович, О.В. Вострикова, Н.В. Галиновой, Н.В. Кабининой, А.А. Макаровой, О.В. Мищенко, К.В. Осиповой, М.Э. Рут, О.А. Теуш и др., многочисленные кандидатские и докторские диссертации; обзор лингвистических работ по Русскому Северу представлен в монографии «Русский Север: лексика и ономастика» [15. С. 19–44]).

Определяющее влияние на формирование уральской этнолингвистики оказали работы представителей московской этнолингвистической школы Н.И. Толстого и С.М. Толстой, постулирующие единство языка и культуры как способов сохранения и передачи мифопоэтической традиции, а также необходимость анализа лексического фонда для реконструкции явлений культуры. Из трудов московских этнолингвистов заимствованы такие понятия и термины, как *язык культуры, культурная функция знака, синонимия – антонимия культурного знака, концептуальный код* и др. Связи с московской школой определили существенное расширение материала исследований: помимо языкового канала трансляции этнокультурного знания привлекаются, как уже говорилось, и другие каналы, как вербальные (фольклорные тексты разных жанров), так и невербальные (акциональные, предметные). Выход за границы собственно лексического материала и оперирование фактами историко-культурного характера, а также привлечения инославянских данных способствовали развитию **методики семантико-мотивационной реконструкции** и решению этимолого-мотивологических задач, особенно если речь шла о «культурной этимологии». Существенную роль в развитии школы сыграли также работы Люблинской (польской)

школы этнолингвистики под руководством Ежи Бартминьского. В унисон звучали и труды белорусских этнолингвистов, которые, стараясь держаться «корней» этнолингвистического подхода, видели приоритетной работу по картографированию явлений духовной культуры [16] и др. Этот более чем 40-летний научный опыт славянской этнолингвистики был обобщен в недавно опубликованных работах методологического характера (например, в четырех сборниках статей, изданных в Люблине (Польша) к 1-му Международному этнолингвистическому конгрессу) [17].

Этнолингвистическое изучение ономастики

Этнолингвистическая линия в трудах уральцев появилась в исследованиях различных групп имен собственных. Одними из первых стали работы М.Э. Рут, посвященные изучению образной номинации на примере севернорусской диалектной ономастики – топонимии, антропонимии и астронимии. Поскольку образная номинация может опираться при своем возникновении на «мифологическую концептуальную модель отождествления разнокатегориальных предметов реальной действительности» [18. С. 129], ее анализ позволяет реконструировать категориальные связи, характерные для архаического сознания. Севернорусские топонимия, астронимия и прозвищные антропонимы отражают земледельческую образную систему, воплощенную в конкретных образах-моделях, связанных «с предметами, орудиями и результатами, продуктами деятельности крестьянина-земледельца» [18. С. 129]. Сопоставление народной лексики с лексикой литературного языка или научной номенклатурой дает возможность восстановить особенности народной категоризации. Например, в отличие от международной астрономической номенклатуры, народная астронимия «национальна по своему составу и связана с гораздо меньшим числом объектов: называются только наиболее заметные и наиболее значимые в практическом отношении небесные объекты – те, по которым можно определять время, направление движения, прогнозировать погоду и т.п.» [12. С. 6] – в северных говорах русского языка известны названия *Лось* для Большой Медведицы, *Утиное Гнездо* для Плеяд, *Кичиги* <простейшее молотило> для Пояса Ориона, *Птичий Путь* для Млечного Пути [12. С. 19].

В работах школы термин *этнолингвистика* как обозначение научного направления был впервые использован в монографии Е.Л. Березович «Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования» [19]. В качестве источника этнокультурной информации рассматривалась севернорусская топонимия, изучаемая с целью определить концептуальные основы топонимической версии различных моделей пространства – реального географического, мифопоэтического и др.

В ходе освоения географического пространства человек может выступать в разных ролях: как наблюдатель или как непосредственный участник процесса освоения пространства. В зависимости от этнической культуры и

социальной принадлежности субъекта-носителя действительность, отраженная в географических названиях, будет иметь свою специфику. В топонимии отражаются его предпочтения, установки, особенности структурирования впечатлений от окружающей действительности, т.е. формируются представления об общей категоризации пространства: какие ландшафтные реалии маркируются, а какие не дифференцируются; где проходят границы между разными классами объектов; каковы магистральные закономерности формирования ментального образа географической реалии. Позиция наблюдателя задает координаты и выстраивает систему ориентационных маркеров, например: ближний – дальний, передний – задний, правый – левый и т.п., а опосредованные человеком межобъектные связи проявляются, например, в топонимах с ориентированными предлогами (*За Каменкой, На Великое, Над Черной* и др.). Анализ географических названий позволяет не только выявить представления человека о реальном пространстве, но и выстроить концепцию ирреального, сакрального пространства, которое является составной частью народной религии: например, топонимы отражают представления о сверхъестественном, которые воплощаются в «чертовых», «святых», «боговых» и т.п. названиях. Если в структуре реального пространства, эксплицируемого в топонимии Русского Севера, маркируется ось «север – юг», что в конечном счете обусловлено бытовой, хозяйственной значимостью этого направления (из-за погодных условий), то по данным обрядов, заговоров, духовных стихов, маркированным является направление «восток – запад», связанное с «рождением» и «смертью» солнца.

При этнолингвистическом изучении ономастики для нас важна системность, предполагающая уход от рассмотрения отдельных знаковых лексем-«ярлыков», что было характерно для ряда лингвокультурологических (лингвострановедческих) исследований. Объективную картину может дать изучение семантических микросистем или полей лексики в целом, которое выводит на целостное осмысление какого-либо фрагмента действительности и демонстрирует взаимообусловленность ее элементов. Носителем этнокультурной информации становится сама идеографическая сетка, структурирующая семантическое пространство топонимии и других ономастических, а также апеллятивных разрядов. Кроме того, анализ должен учитывать, что топонимическая семантика имеет принципиально вероятностный характер; множественность мотивировок для одного топонима связана как с многозначностью исходного апеллятива, так и с синкретичностью ситуации наименования.

Этнолингвистическое изучение ономастики было продолжено в диссертациях И.В. Родионовой [20], Ю.Б. Воронцовой [21], О.В. Моргуновой [22], А.А. Макаровой [23], Д.М. Голиковой [24], сериях статей Ю.А. Кривошаповой [25, 26], О.Д. Суриковой [27], Л.А. Феоктистовой [28–30].

Основные методологические установки уральской этнолингвистики

На данный момент можно говорить о формировании методологических основ уральской этнолингвистики:

– «лингвоцентричность»: поскольку язык является наиболее социально значимым субстанциональным кодом культуры, языковые данные рассматриваются как основной источник этнокультурной информации;

– широта языкового материала: изучаемые факты включают ономастику – топонимию, антропонимию (фамилии, коллективные и индивидуальные прозвища), хрононимию, астрономию etc., факты семантико-словообразовательной деривации на их основе; лексику и фразеологию; клишированные формулы (присловья, проклятия, благопожелания и пр.), язык фольклора;

– системность: приоритетным является изучение не отдельных слов, считающихся носителями так называемой «культурной семантики», а семантико-мотивационных объединений, элементы которых раскрываются во всей полноте своих связей;

– диалектность: основным материалом исследований послужила диалектная лексика, которая отражает народные представления и верования и лучше, чем другие идиомы национального языка, сохраняет архаические феномены, позволяя определить зоны их консервации, очаги новаций, территории междиалектных и межъязыковых взаимодействий и пр.

– диахронность: исследования направлены на реконструкцию исторической семантики слова и его этимологических связей, отражающих утраченные представления и связи между предметами и явлениями.

– включение слова в широкий историко-культурный контекст, рассмотрение элементов языкового кода культуры в его взаимодействии с другими культурными кодами.

Языковые источники этнокультурной информации

Внутренняя форма слова, отражая движение человеческой мысли в момент наименования, сохраняет в себе актуальные на момент номинации представления о предмете, его функциях, логических связях между явлениями и пр. Например, внутренняя форма ряда диалектных наименований обманщика, лгуна раскрывается как «сделанный из дерева», т. е. ненастоящий, поддельный, ср. рус. диал. *лутóшные глаза, лубяные глаза, берёзовая рожка*. Их сопоставление с фразеологизмами типа рус. диал. *обрядиться в берёзовую рожку, надеть берёстяную рожку* ‘беззастенчиво лгать’ позволяет предполагать, что возникновение этих выражений связано с традициями святочного ряжения: надетые маски позволяли смеяться и безнаказанно подшучивать над окружающими (см. в работе В.С. Кучко [31. С. 172–173]).

Структура значения слова тоже может быть интерпретирована в этнокультурном ключе. Набор и иерархия сем, составляющих значение диалектного слова, может отличаться от семантики литературного аналога и выявлять особенности народной концептуализации мира. Например, одно из значений севернорусского глагола *носить* включает обязательный

компонент «(носить) грибы или ягоды из леса», что обусловлено распространением на Русском Севере практики собирательства и жизненной важностью лесных продуктов для крестьян. В отличие от литературного уха ‘суп из рыбы’, диалектное слово уха имеет более широкое значение ‘наваристый бульон (обычно из рыбы или грибов)’, сохраняя архаическую семантику слова.

Семантико-мотивационные связи слова возникают в разнонаправленных процессах постоянных переходов от одного значения к другому в смысловом пространстве лексемы. Семантический переход отражает работу человеческого сознания, которое, сопоставляя разные явления действительности, прослеживает связь между ними. Например, в диалектах встречается семантический переход, соотносящий представления о виде обуви и социальном статусе человека, а также о степени изношенности обуви и отмеренном сроке жизни: «носить лапти» → «быть деревенским жителем» (рус. диал. *деревенский лапоть*, *лапотница*) и «снашивать лапти» → «умирать» (рус. диал. *последние лапти топтать/носить*) (см. подробнее в диссертации А.В. Тихомировой [32. С. 31–32, 29–30]).

Семантико-мотивационные отношения слова двунаправлены: по отношению к связанным с ним однокоренным лексемам слово одновременно является как мотивированным, так и мотивирующим, формируя так называемые «левые» и «правые» мотивационные связи (термин предложен С.М. Толстой). Например, соотношение *лапоть* ‘вид обуви из лыка’ → *лапотница*¹ ‘женщина, которая носит лапти’ характеризует «левую» мотивационную связь слова *лапотница*¹, тогда как *лапотница*¹ ‘женщина, которая носит лапти’ → *лапотница*² ‘жительница деревни’ – «правую». В первом случае слово *лапотница*¹ будет реципиентом семантического перехода, во втором – донором.

Совокупность регулярных семантических переходов составляет семантическую модель как устойчивый смысловый прототип, вариативно реализующийся в ряде конкретных названий. Например, семантическая модель «вид широкой крестьянской одежды; изношенная одежда» → «нерасторопный человек» представлена в рус. диал. *понява*, *малахай*, *гуня*, имеющими соответствующие значения (рассмотрены Е.О. Борисовой [33. С. 199–200]), а семантическая модель «удаленный от центра регион России» → «удаленное от деревни место в лесу» представлена названиями урочищ *Камчатка* и *Сибирь*. Семантическая модель допускает вариативность на словообразовательном уровне (ср. названия ручья *Ржавей* = *Ржавка* = *Ржавый*), на уровне семантической дублетности (руч. *Ржавый* = *Рудный*, руч. *Холодный* = *Студёный*), на уровне варьирования образной фактуры названий (болото *Дикое* = *Страшное*, поле *Иисусова Полянка* = *Монастырская Полянка*) и т.п.

Выявленные семантические переходы могут быть обусловлены как внутрилингвистическими (существование устойчивых метафор, парадигматиче-

ские связи слов, закон аналогии и пр.), так и экстралингвистическими (социальные и межэтнические контакты, культурные функции называемого предмета, исторические события и пр.) факторами.

Концептуальные коды. Совокупность регулярных семантических моделей, присущих словам с близкой семантикой, составляет концептуальный (предметно-тематический) код, указывающий способ интерпретации мира. Так, типичным для крестьянина-земледела является использование образов домашних животных при обозначении диких животных и явлений дикой природы (ср. наименования насекомых *божья коровка*, *кобылка*, диал. *лошадка* ‘кузнечик’ и др., см. [34. С. 63–70]); образы хлеба и другой выпечки регулярно встречаются в наименованиях предметного мира и ландшафтных объектов (диал. *коровашек* ‘нарост на стволе дерева’, *коровай*, *короватик* ‘гриб’, *каравашка* ‘цветок ромашки’, *коврыга* ‘пласт земли’ [35. С. 157]); сельскохозяйственный код отражен в лексике народного календаря (ср. *Еремей Засевальник*, *Арина Рассадница*, *Лукерья Гречкосейка* и пр. [22]); образы избы, двора оказываются ключевыми при интерпретации социальных отношений (ср. костромское *бездомовик* ‘о человеке, который ходит по гостям’, ярославское *семидворить* ‘бездельничать’, вологодское *другозьба* (<*другоизба) ‘хождение в гости’ [36. С. 209–210]); традиции православия, ставшие основой народного христианства, определили появление образов священнослужителей и христианских персонажей в ботанической терминологии и бытовой лексике (см. в дис. И.В. Родионовой и Н.А. Синицы [20, 37]) и пр. Понятие концептуального кода может быть применено и к совокупности знаков языка и культуры, объединенных с учетом общего содержания: концептуальный код позволяет выявить общие смыслы, транслируемые как с помощью вербальных, так и невербальных знаков. Например, идея слушания, предсказания, связанная с днями от Рождества до Крещения, выражается и через хронимы (ср. рус. *Слушанные вечера*, *Чуткие вечера*), и через акциональный обрядовый код (например, обычай гадать, «слушая» голоса под окнами или на перекрестке).

Парадигматические отношения слова позволяют судить о категоризации действительности и понятийных связях между предметами и явлениями, выявляя закономерности их символического осмысления. Некоторые группы лексики особенно тяготеют к формированию системных связей: например, тенденция к образованию микросистем характерна для проприальной лексики – топонимии, хронимии, коллективных прозвищ. Анализ календарных наименований выявляет синонимические (диал. *Грустный день* и *Скучный понедельник* ‘первый понедельник Великого поста’; *Егорий-Скотопас* и *Пастухов праздник* ‘23 апреля / 6 мая’) и антонимические (без указ. места *Илья Мокрый* и *Илья Сухой* ‘20 июля / 2 августа’) варианты обозначений одной и той же даты, а также хронимы, называющие симметричные дни годового цикла (*Белые Святки* ‘время от Рождества Христова до Крещения’ и *Зеленые Святки* ‘неделя до и после Троицы’); об этом см. в диссертации О.В. Моргуновой [22. С. 191, 195]. Разветвленность системных отношений хронимов позволяет обнаружить

ключевые для крестьянина даты народного календаря, точки отсчета времени, а также симметрию отдельных календарных отрезков, свойственную циклическому представлению о времени.

Синтагматические связи слова. Устойчивые контекстные партнеры слова и смысловые связи в тексте, характер предикатов и атрибутов помогают обнаружить латентные смыслы, не проявленные в структуре значения слова. Например, в контекстах к слову *люди* актуализируется противопоставление «я – не люди» («Люди пройдут – и вы пойдете»), а устойчивая сочетаемость слова (*дворовые люди, добрые люди, лучшие люди, молодые люди, простые люди, служивые люди, чужие люди, убогие люди* и пр.) говорит о том, что под *людьми* понимаются мужчины в противоположность женщинам, люди среднего возраста – в противоположность детям и старикам, жители городов – жителям деревни, слуги – хозяину, свидетели происшествия – его непосредственным участникам, миряне – духовенству [38. С. 87].

Конфигурация идеографической сетки. В качестве источника этнокультурной информации может рассматриваться как сам набор идеограмм или семантических секторов, характерных для данной лексической группы (семантико-мотивационного поля), так и наличие лакун и относительная наполненность семантических областей, которая выражается в разной частотности наименований, реализующих сходные или тематически близкие идеи. Например, в отличие от литературного языка и континентальных диалектов, в языке поморов насчитывается несколько десятков наименований ветров, а также наблюдается подробная дифференциация названий рыбы в зависимости от времени нереста, миграций и промыслового лова. Неравновесность идеографически близких параметров демонстрируют топонимы, связанные с реализацией обобщенных образов женщины и мужчины: названия, отсылающие к образам женщины гораздо более частотны, чем мужские. В них отражаются не только особенности внешнего облика женщины (озеро *Бабий Пуп*, луг *Баба*), но и ее хозяйственные атрибуты (перекат *Бабье Трепало*, поле *Бабий Губник* (пирог с грибами), руч. *Бабкин Квас*) [19. С. 47–49]. Такая асимметрия может объясняться тем, что образ мужчины обладает недостаточными дистинктивными возможностями: мужчине принадлежит весь мир за пределами деревни, тогда как женские топонимы маркируются в силу своей уникальности и единичности. Топонимическая система проявляет избирательность и при отборе числительных, положенных в основу географических названий: в силу большей дифференцирующей силы число *три* в топонимии встречается гораздо чаще, чем *два*, а активность *семерки, девятки* обусловлена их символическим значением, ср. символику Троицы, Пятницы и т.п.).

Преобладающие объекты анализа

Поскольку слово рассматривается в совокупности его семантико-мотивационных связей, во многих работах единицами изучения становятся семантико-деривационное гнездо и семантико-мотивационное поле.

Семантико-деривационное гнездо – совокупность лексических и фразеологических единиц, связанных мотивационными отношениями с лексемой, которая является вершиной гнезда. Так, при реконструкции семантики слова *ад* в русском языке привлекаются его семантические дериваты (диал. *ад* ‘глотка, рот’), семантико-словообразовательные дериваты (*а́дать* ‘много и с жадностью есть’, *адова́тый* ‘жадный’), а также устойчивые сочетания (*ад несытый* ‘алчный человек’, *ад живоглотный* ‘о ненасытном человеке’ и пр.), благодаря которым выявляется мотив «пожирания», характерный для образа ада в русском языке [39. С. 39–47]. Рассмотрение слова как составляющей семантико-деривационного гнезда позволяет учесть как *деривационную семантику* слова, под которой подразумевается комплекс значений его семантических и семантико-словообразовательных дериватов, так и *фразеологическую семантику*, проявляющуюся в тех смысловых связях, которые устанавливаются в составе идиоматических сочетаний, устойчивых сравнений и пр. [39. С. 14].

Семантико-мотивационное поле – совокупность слов и фразеологизмов, объединенных на синхронном уровне общностью значения, и языковых единиц, связанных с ними отношениями семантической мотивированности. Подобные семантико-мотивационные поля образует лексика социальных отношений (Т.В. Леонтьева [40]), гнезда лексических единиц с числовым компонентом (Е.В. Шабалина [41]), элементы поля «Огонь и горение» (К.С. Верхотурова [42]), слова со значением быстроты и медлительности (Е.О. Борисова [33]), лексика с семантикой границы (Е.В. Попова [43]) и др. Некоторые из изучаемых групп, преимущественно с предметной семантикой, не тяготеют к полевой организации (в большей степени свойственной отвлеченной лексике), однако принадлежность называемых предметов, явлений, действий к одной понятийной или предметно-бытовой сфере определяет общие черты в мотивах номинации, системность развития вторичных значений, сходных культурных функциях. В этом случае пространством для изучения слова становится тематическая группа, ср. названия насекомых (Ю.А. Кривошапова [34]), пищи (К.В. Осипова [44]), одежды и обуви (А.В. Тихомирова [32]).

Полевая структура лексической группы задается ядерной лексемой. Лексемы и фразеологизмы, составляющие пространство поля, формально и семантически связаны с ядерными. К примеру, в семантико-мотивационное поле, объединяющее слова со значением некровного и «аномального» (нарушенного) родства, входят обозначения мачехи, пасынка, вдовы, сироты и др., а также слова, связанные с ними мотивационными отношениями, ср. русское диалектное *вдовец* ‘репейник’, польск. *pasierb* («пасынок») ‘молодая поросль’, рус. литер. *сиротская зима* ‘теплая, без больших морозов зима’, серб. *маћаха*, словен. *mačeha*, чеш. *maceška* ‘растение *Viola tricolor*’ (см. подробнее в исследовании Е.Л. Березович [39. С. 220–324]). Наличие сходных семантических переходов у генетически не родственных, но семантически подобных лексем является одним из факторов, обеспечивающих

единство семантико-мотивационного поля (ср. сквозные семантические модели, характерные для лексики родства: арх. *бабка* ‘большой палец’, *мати* ‘указательный палец’, *тата* ‘средний палец’, *сынок* ‘безымянный палец’, *дочи* ‘мизинец’).

В рамках семантико-мотивационного поля лексический материал может быть рассмотрен «ретроспективно» (с точки зрения моделей мотивации, которые легли в основу данных слов) и «перспективно» (исходя из способности слов данного поля становиться источником семантической или семантико-словообразовательной деривации). Такая синкретичность рассмотрения позволяет обнаружить случаи зеркального отражения мотивационных моделей, которые формируют рассматриваемую группу лексики, и дальнейшего развития многозначности на их основе, ср. семантическую модель «играть, гулять» → «бродить, заквашиваться» (диал. *играть, разыграться* ‘бродить (о жидкости)’, *веселить* ‘заквашивать’, *веселуха* ‘домашнее пиво’, *забалу́й* ‘шалун, баловник’, ‘пиво, брага’) и ее зеркальное преломление «бродить, заквашиваться» → «играть, гулять» в диал. *алаха* ‘пиво’, *алахарь* ‘гуляка, праздный человек’, *бражка* ‘дурная компания, ватага’, *бра́жничать* ‘коротать время; проводить время за едой и питьем’ [45].

Изучение внутренней организации семантико-мотивационного поля как совокупности значений слов и их проекции в иные смысловые сферы ставит вопрос о семантических категориях, обеспечивающих цельность и связанность поля. Структура семантико-мотивационного поля может быть представлена в виде комплекса реализующихся в значениях лексем и фразеологизмов семантических доминант (термин используется в работах К.В. Осиповой [44], Е.В. Шабалиной [41], Е.О. Борисовой [33], В.С. Кучко [31]). Семантическая доминанта понимается как базовый элемент смысловой структуры, объединяющий значения нескольких лексем, составляющих гнездо или поле. Семантическая доминанта не закреплена за конкретным денотатом и является основой для развития значений, соотносимых с различными денотативными областями. Например, основные доминанты, выделяемые в семантическом спектре вторичных значений числительных – «обобщенное количество», «числовая аномалия», «интенсивность проявления признака/действия». Семантическая доминанта «числовая аномалия» задает идею отклонения от количественно заданной нормы, ср. рус. литер. *пятое колесо в телеге* ‘о ком-либо совершенно ненужном, лишнем где-либо’, *семь пятниц на неделе* (у кого) ‘кто-либо часто меняет свои решения’, рус. диал. *плутнице о семи пальцах* ‘плут, ловкий’, *десятой клёпки не хватает* ‘не совсем умен’; в топонимии реализуются значения неопределенного множества, значительной удаленности или протяженности, которые может выражать числительное *девятый* (реже *девятъ*) [41]. Для семантико-мотивационного поля слов с основным значением ‘кислый (о вкусе)’ характерны семантические доминанты: «влажный, сырой» (ср. рус. *раскиснуть* ‘стать влажным, сырым (о дожде)’, рус. *расквасить* ‘до крови разбить нос, лицо’, серб. *киша* ‘дождь’); «малоподвижный» (ср. рус. диал. *кисловатый парень*

‘плохой, неповоротливый работник’, *раскваситься* ‘долго сидеть (от недостатка сил)’, *кислая вода* ‘непроточная, застойная вода’) [44].

В зависимости от основных задач исследования возможно выделение семантической или мотивационной доминанты. В диссертации Т.В. Леонтьевой используется термин *мотивационная доминанта* как совокупность однотипных мотивов номинации, характерных для нескольких лексем или фразеологизмов. Например, в обозначениях гостя выявляется мотивационная доминанта передвижения в пространстве, которая объединяет сквозные мотивы направленного движения (*приходить в гости*), ненаправленного движения (*перегуливать, бегать по гостям*), интенсивного движения (*вихорная баба*), отклонения от основного пути (*привернуть* ‘заехать, зайти попутно, мимоходом’), каждый из которых воплощен во множестве мотивировочных признаков [36. С. 200–212].

Методы

Как уже говорилось, принципиальное значение имеет установка на полевой сбор, уточнение и расширение анализируемого материала. Методика полевого исследования предполагает как сбор материала в рамках отдельных тематических групп (наименования ландшафтных объектов, метеорологических явлений, рыболовных и охотничьих ловушек, грибов, блюд и пр.), так и опрос «от слова», уточняющий семантико-грамматические характеристики слова, моделирование ситуаций употребления слова и пр. Постоянная работа с живым языковым материалом позволяет уточнить семантико-мотивационные, парадигматические связи слов, восстановить его устойчивую сочетаемость и контекстные связи, а при возможности – стоящие за языком факты культуры. Так, именно полевые исследования позволяют восстановить словообразовательное гнездо и контекст обрядов и верований для диал. *калаушничать* [46], *двужильный* [41. С. 133–136], *мерзлогузые* [22. С. 354–361] и др.

Метод мотивационного (ономазиологического) анализа предполагает наблюдение за признаками (мотивами) номинации объектов, которые отражают закрепленные в языке наиболее значимые, устоявшиеся и не случайные свойства объекта. Так, наименования жадного, скупого человека отражают признаки, связанные с отношением к еде: хороший аппетит (*заедный, жоркий, ненасыть*), заглатывание пищи (*глотень*), «гипертрофия» органов пищеварения (*брюшина*), особые пищевые привычки (диал. *ботвінник, мякінник, кисельны выжимки*), что говорит о ключевой роли пищи в организации социально-экономических отношений (см. дисс. А.А. Едалиной [47]). Поиск причин актуальности того или иного признака выявляет особенности данной культурно-языковой традиции.

Контрастивный и типологический методы предполагают сопоставление: 1) разных подъязыков в рамках национального языка (диалект с литературным языком, просторечием, жаргоном и пр.); 2) междиалектные и межъязыковые сопоставления (русского и других славянских

языков, славянских с финно-угорскими, романо-германскими, тюркскими). Такие параллели позволяют найти генетически и типологически сходные явления, восстановить лакуны в ряду семантических переходов, подтвердить обнаруженные мотивационные модели, а также сформулировать региональную специфику. Интерпретация диалектного культурно-языкового факта на контактных территориях должна учитывать возможность межязыковых взаимодействий – материальных заимствований и калькировок, а также вероятных субстратных влияний; 3) сопоставление языкового кода с другими субстанциональными кодами культуры, прежде всего с фольклорным и обрядовым. Языковой факт может быть фрагментом культурного текста, реконструкция которого является ключом к поиску мотивационного решения: так, связь вологод. *бадбѣг* ‘пиво с осадком, которое подавали в конце трапезы’ с *бадбѣг* ‘палка, посох’ объясняется через ритуальную практику выпивать перед дорогой, символом которой был посох, путевая палка, ср. вологодское *куда батѣг водил* ‘куда глаза глядят’ [45. С. 65–66].

Метод пѣлевого анализа заключается в определении логики организации семантико-мотивационного поля, отражающей структуру соответствующей понятийной сферы и имеющей этнокультурную специфику. Анализ семантико-мотивационного поля проводится на двух уровнях – в статике и в динамике [38. С. 23]. На семантическом уровне (в статике) учитываются структура значений слов в составе данного поля и особенности детализации, модификации смыслов, набор семантических секторов поля и их наполнение, количественное наполнение каждого из секторов поля, смысловое пересечение с другими полями (так, в говорах понятие забывчивости может иметь показательную конкретизацию – ‘тот, кто забывает запеть вовремя двери, ворота’, ср. архангельское *пустозаворница*, вологодское *пустоворот*, костромское *дыропашник* [38. С. 27]. На мотивационном уровне (в динамике) выявляются мотивационные модели и признаки, характерные для составляющих поле лексем, а также определяются особенности взаимодействия со смежными полями (например, полей «Пища» и «Гощение», шире – «Социальные отношения»).

Идеографический метод предполагает рассмотрение лексем в соответствии с обозначаемыми ими денотативными сферами: выстраивается тематическая классификация лексем, анализируются идеограммы, которые наиболее / наименее освоены языком, выявляются идеографические лакуны и факторы, определяющие специфическое для каждого языкового идиома тематическое членение какой-либо смысловой области. Так, идеографический анализ слов, восходящих к именам святых и библейских персонажей, обнаруживает идеограммы: «Человек: физические качества и характерологические качества»; «Коммуникация: пейоративы»; «Быт: бытовые предметы»; «Обрядовая деятельность»; «Природа (флора): травянистые растения» (например, *ирод*, *шюда* ‘жадный человек’, *пилатить* ‘мучить, тиранировать, истязать’, *лазарь* ‘нищий, живущий подаянием’; *аронова борода* ‘растение бузульник сибирский’; *адамова свеча*, *соломонова печать* ‘растение коровяк’; *богородица*, *богородская трава* ‘растение чабрец’; *егорьево*

копье 'название нескольких растений' [20. С. 31], что говорит о формировании «бытовой» версии народного христианства.

Идеографический метод в сочетании с семантической типологией предлагается как основной в ономастических исследованиях. При осуществлении тематических классификаций работа ведется с апеллятивами, лежащими в основе названия, а при создании семантической типологии учитываются значения, которые апеллятив приобретает при онимизации. К примеру, топонимы, образованные от апеллятива *курица* (типа *Куричий Ручей*, *Куриный Брод*), могут быть помещены в классификационную рубрику «Фауна» (наряду с «медвежьими», «лисыими» названиями), однако учет специфики топонимической семантики позволяет интерпретировать *куриный* как «близкий к деревне», «мелкий» [19. С. 31].

Ареально-типологический метод предполагает изучение территориальной дистрибуции лексем и соотносимых с ними культурных фактов. География культурно-языковых единиц выделяет ядро лексики, специфичной для изучаемых говоров, лакуны и зоны концентрации явлений, области пересечения семантически близких знаков языка и культуры, что в дальнейшем способствует прояснению их происхождения. Так, лингвогеографические наблюдения над названиями хлеба из смешанной муки (*соричник*, *смешечник*, *двоежиток*, *троежиток* и др.) говорят о локальности наименований и их распространении преимущественно в Вологодской и Архангельской областях, что может быть связано с природными и хозяйственными особенностями региона (невозможностью получать высокие урожаи пшеницы), а также с заимствованием соответствующей культурной практики у финно-угорских народов [48]. Лингвогеографический метод является основным в исследовании топонимии, в том числе и при изучении ономастикона различных жанров фольклора: наложение фольклорных топонимов на реальное географическое пространство показывает соотношение реальных и ирреальных географических названий в каждом анализируемом жанре и помогает определить особенности народной модели пространства (подробнее об этой методике см. в работах О.Д. Суриковой [27]).

Лексикографический метод является основным для систематизации лексических материалов, собранных топонимической экспедицией Уральского университета. Реализованные словарные проекты (их перечень см. в начале статьи) предполагают отражение системных связей диалектной единицы, контекстов, объясняющих народную мотивацию имени, а также связанных с именем фактов материальной и духовной культуры. Указанные словари интересны и тем, что сохраняют баланс научности и популярности, что необходимо для ознакомления с ономастикой широкого читателя. В этом они наследуют принципы составления топонимических словарей А.К. Матвеева [9, 10]. Лексикографический метод может быть применен для описания локальной культурно-языковой традиции и стать основой создания этнолингвистических словарей, анализирующих язык в сопоставлении с фактами фольклора, обрядов и верований и предполагающих включение интерпретационной составляющей, которая бы выявила семантику и

символические функции культурно-языковых знаков (см. проект словаря «Пища Русского Севера» К.В. Осиповой [49]).

Метод контекстного анализа позволяет восстановить семантические связи слова в диалектных высказываниях, выявляет типичных контекстных партнеров, уточняет денотативную отнесенность слова. Благодаря контекстному анализу Е.Д. Бондаренко определяются особенности метаязыковой рефлексии носителей языка. Например, контексты позволяют наблюдать, как наивные лингвисты подбирают «культурные» пары к своим «некультурным», «серым» словам, ср.: «Журавина у нас, а па-вашыму, *па-гарацкому*, клюква»; именно в контекстах проявляется ситуативная оппозиция «наше – ваше», ср.: «У ёмтальских разговор совсем другой, наши все *нормально* говорят, а они по-другому» [50. С. 78, 103]. Контекстный анализ применяется при анализе метаязыковой рефлексии носителей топонимической системы, проявляющейся в актах мотивационного осмысления географических названий. Несмотря на то, что народные мотивировки могут быть игровыми и псевдоэтимологическими, они фиксируют семантические модели, актуальные для языкового сознания и могущие быть отраженными хотя бы в одной из нескольких омонимичных номинаций (покос *Воротиха*: «Воротихой пожню назвали: там по логу вода в реку возвращалась»; «Воротиха первая у леса, от её домой из леса шли» [19. С. 28]), а множественность мотивировок может говорить не только об игровой природе какой-либо из них, но и о синкретичности ситуации номинации.

Методы лингвопрагматического и текстологического анализа становятся основными в исследованиях по лингвофольклористике – при изучении языка проклятий, заговоров, причитаний и пр., см. работы О.Д. Суриковой и Е.Л. Березович, в том числе выполненные в соавторстве с Т.А. Агапкиной [27, 51–55].

Одной из работ Уральской школы, обобщивших принципы анализа отдельной тематической группы лексики, стала докторская диссертация К.В. Осиповой [56], посвященная анализу севернорусской лексики пищи и питания. Методологическая новизна исследования обусловлена вниманием к внеязыковому контексту жизни слова и нацеленностью на представление культурно-языковых особенностей региона.

Принципы семантико-мотивационной реконструкции

Семантико-мотивационная реконструкция – совокупность процедур для восстановления исторической семантики слова, мотивации языковых единиц и их семантико-мотивационных связей, невыводимых на синхронном уровне. Семантико-мотивационная реконструкция выстраивается на принципах семантического, мотивационного (ономазиологического) и этимологического анализа лексики и базируется на нескольких приемах.

1. Групповая (системная) семантико-мотивационная реконструкция подразумевает комплексное рассмотрение слов, являющихся вершинами

деривационных гнезд и связанных между собой системными отношениями – синонимическими, антонимическими, гипо-гиперонимическими и др. (т.е. составляющими семантико-мотивационное поле). Максимальная систематизация материала, подвергаемого семантической реконструкции, позволяет преодолеть спорадичность и точечность процедуры подбора параллелей и, как результат, интерпретировать лексические единицы и фразеологизмы с «темной» внутренней формой.

Такой подход основывается на том, что слова, связанные отношениями лексической системности, имеют сходный мотивационный потенциал, т.е. склонны к формированию семантически близких дериватов. Восстановление совокупности «левых» и «правых» мотивационных связей для группы слов позволяет понять, как сформировалась эта лексическая группа и в какой мере она служит инструментом дальнейшей интерпретации (ср., например, мотивационную связь названий насекомых с глаголами звучания (*гудок, дундырь, жу́жга, пискун, свиря, строкá* и др.) и вторичное использование названий насекомых в качестве обозначений человека, ср. рус. литер. *жук* ‘о пронырливом, хитром человеке, плуте’, диал. *мурáш* ‘кропотливый, заботливый хозяин’ [34]). Комплексность изучения лексики позволяет выявить механизмы различных вторичных взаимодействий, определяющих возникновение новых единиц, например паронимической аттракции и контаминации (об этом подробнее см. в работах Л.А. Феокистовой [28–30]).

2. Прием семантико-мотивационного моделирования предполагает прояснение мотивационных связей между значениями слова или разными словами путем подбора мотивационных аналогов – тематически или денотативно соотносимых слов, которые характеризуются мотивационными отношениями. Восстановление или уточнение значения неизвестного элемента семантического поля возможно с опорой на семантику известного элемента. Для подбора мотивационных аналогов необходимо выделить свойства названной словом реалии (точнее, составляющие наивного понятия о реалии), концептуализированные в языке (проявляющиеся во внутренней форме слова, в деривационно-фразеологических связях и пр.), затем подбирать другие реалии, имеющие сходные свойства (вызывающие сходное восприятие), и искать называющие их лексические единицы, которые могут исходно принадлежать как к одному, так и к различным лексико-семантическим полям (см. подробнее в [39. С. 19]). Если интерпретация единичной лексемы затруднительна, то выявление мотивационных аналогов позволяет прояснить основания для межкатегориальных сопоставлений. Так, прояснить мотивацию севернорусского топонима *Двека* в связи с числительным *два* возможно исходя из пар названий покосов *Двека – Целка, Двойница – Цельница*.

Частным случаем семантико-мотивационной реконструкции можно считать рассмотрение метафорических микросистем, предполагающих, что различные метафорические обозначения из одной тематической сферы закрепляются за взаимосвязанными, смежными денотатами (объектами номина-

ции) или за одним и тем же денотатом см. [39. С. 124 и след.]. К синхронному развитию метафорических значений тяготеют, например, термины родства: трактовка крупной реки или озера как «матери» или «отца», а небольших рек и притоков как «детей» воплощена в русском арх. *матка* 'об озере, принимающем многочисленные ручьи', волог. *Отец-озеро*, арх. *детиночка* 'маленькое озерко, соединенное протокой с другим озером', ворон. *насынок* 'ответвление холма, оврага', а также в белорусском диал. *насынак* 'приток реки, ручья', болгарском диал. *сирѝк* («сирота») 'небольшой арык, отведенный от главного канала', исп. *hijueta* («дочка») 'отводной канал' и др. [39. С. 179]. Мотивационно неясное укр. *насиночок* 'полоска', 'с узором в полоску (о ткани)' проясняется благодаря обнаруженным параллелям в метафорической «семейной» лексике, называющей непарные нити, ср укр. диал. *сірота* 'тканая полоса одного цвета в полотне, болг. диал. *сирѝченце* 'один, единичный узор', которые можно противопоставить рус. диал. *сестренки* 'две рядом идущие нити основы', *сестра* 'пара другой нити' [39. С. 232].

3. Дистрибутивный анализ предполагает восстановление смыслового наполнения лексемы путем выявления наиболее полного набора ее контекстных партнеров. Например, обнаружение оппозиций, в которых функционирует прил. *прямой* в топонимах («прямой – поперечный», «прямой – левый – правый», «прямо – против», «прямой – кривой», «прямой – косой», «прямой – слепой»), позволяет определить такие семантические признаки прямого, как 'расположенный вдоль', 'расположенный в центре', 'расположенный перед', 'не отклоняющийся', 'сквозной' и пр.

4. Поиск типологически сходных явлений в родственных и контактных языках. Если внутренняя форма слова не интерпретируется с учетом его семантико-мотивационных связей в одном говоре, его важно вписать в различные словесные ряды и гнезда на междиалектном и даже межъязыковом уровне. Например, русское диал. *шерстяной язык* 'о речи, содержащей недоброе предсказание', арх. *дикошѝрстный* 'болтливый' находит мотивационную поддержку в укр. *шерсткий* 'негладкий (о произношении)', чеш. *narostou mu chloupky na jazyku* («у него выросли шерстинки на языке») 'о том, кто сделался молчаливым', англ. *woolly voice* («шерстяной голос») 'сиплый голос', нем. *Haare auf den Zähnen haben* («шерсть на зубах иметь») 'быть бойким на язык', коми литер. *гѝна кывья* («с покрытым шерстью языком») 'косноязычный' и др. [57. С. 305]. Если сходные факты обнаруживаются в не(близко)родственных, но контактных языках (например, русском и финно-угорских), это может говорить как о типологически близких явлениях, так и о возможном заимствовании.

5. Поиск смысловых параллелей в области культуры и привлечение культурно-исторических сведений. Ключ к поиску мотивационных решений и прояснению этимологически неясных фактов может дать комплекс исторических сведений, в частности заимствование архангельскими говорами слова *бишки* 'печенье', искаженной формы англ. *bisquits*, связано с периодом пребывания английского флота в портах беломорского побережья Ар-

хангельской области; диалектное *соломонки* ‘вид конфет’ объясняется распространением в конце XIX – начале XX в. конфет с изображением гадательного круга царя Соломона [58].

Способы представления этнокультурной информации

Поиски методов этнолингвистического анализа и последующего представления материала приводят к формированию методики этнолингвистического портретирования. Поначалу термин *портрет* использовался в ономазиологических штудиях как вид обобщения и упорядочения отдельных приписываемых объекту признаков, выявленных в результате ономазиологического анализа наименований [59]. Однако поскольку в исследовательское поле зрения постепенно включаются вся совокупность семантико-деривационных связей слова («левая» и «правая» мотивация), а также соотносимые со словом факты языка культуры, «ономазиологический портрет» вытесняется «этнолингвистическим», включающим систему мотивационных признаков, выделяемых в результате ономазиологического анализа слов и их дериватов, а также символические признаки предмета в фольклоре и обрядах. В практике нашей школы методика этнолингвистического портретирования впервые была использована в диссертации Ю.А. Кривошаповой о наименованиях насекомых в русских народных говорах [34]. Специально проблеме этнолингвистического портретирования посвящена диссертация Н.А. Сеницы [37].

Этнолингвистический портрет вписывается в ряд других методик лингвистического портретирования (когнитивная дефиниция, тезаурусное описание языка фольклора, схемы описания реалий в практике Московской этнолингвистической школы) и понимается как «исследовательский прием, позволяющий определить частотность и значимость отдельных черт и признаков, приписываемых исследуемому объекту, установить взаимосвязи между чертами одного объекта и сопоставить представления о сходных объектах внутри одного языка и в разных языковых и культурных традициях» [37. С. 8]. Так, опыт моделирования образа служителей культа в русском, украинском и польском языках показывает, что уникальными для польского языка являются мотивы, связанные с особой одеждой священника, ее красным, коричневым и фиолетовым цветом, ср. *księżę galoty* <ксендзовы штаны> ‘растение водосбор’, *jeść z księdzem* <есть с ксендзом> ‘есть что-либо подгорелое’ [37. С. 110–111].

Основные принципы этнолингвистического портретирования были сформулированы Ю.А. Кривошаповой и Н.А. Сеницей:

– портрет отражает изучаемый объект с позиции наивного языкового знания и, в отличие от минимальной структурной дефиниции слова, включает все признаки, свойственные или приписываемые реалии, а не только необходимые и достаточные;

– ядро стереотипных знаний о реалии закреплено в системе языка (имя портретируемой реалии является вершинным словом деривационно-фразеологического гнезда);

– отражаемые в портрете черты представляют собой выявленные мотивационные признаки (мотивы номинации);

– составляющие портрет мотивы различны по степени субъективности. Выделяются объективные (дескриптивные, которые соответствуют реальным характеристикам денотата, и субъективные мотивы) и субъективные (эмпатические, связанные с ирреальными свойствами денотата, приписанными ему извне). С точки зрения логического статуса мотивы делятся на качественные, акциональные, ситуационные, мотивы-атрибуты, мотивы-партнеры; этот список, вероятно, может быть расширен;

– этнолингвистические портреты реалий должны иметь такую структуру, которая позволяет сравнивать их на разных уровнях: между собой, между разными диалектами одного языка; между разными языками; между разными субстанциональными кодами.

Использование методики портретирования применяется для этнолингвистического представления культурно значимых реалий: если семантико-деривационное гнездо ключевого слова, называющего исследуемую реалию, а также первичные номинации объекта количественно представлены, и демонстрируют мотивационное разнообразие, методика «портретирования» будет продуктивна (ср. портретирование образов растений, животных, одежды и утвари, различных социально значимых черт – ленивый, жадный, умный, глупый и пр.).

Новые направления исследований

Новым исследовательским направлением стало изучение терминологии горного и ювелирного дела, народной номенклатуры камня, в том числе социолектов – жаргона горщиков, старателей, минералогов, арго хитников, торговых наименований и проч. Лексика камня отражает древнейшие мотивационные модели, реализованные в разных языках мира, и интересна в аспекте отношения «слова и вещи», взаимодействия научной номенклатуры и живой языковой стихии, межъязыковых контактов [23, 60–62].

Значимой становится область лингвофольклористики, сочетающая корпусный подход к лексике фольклора и установку на ее семантико-мотивационную реконструкцию и лексикографическое представление, в особенности см. работы О.Д. Суриковой [27, 51, 63]. При том что тематика исследований школы постоянно обновляется, неизменной остается приверженность живым полевым материалам, которые дают пищу для новых размышлений, концепций, идей.

Список источников

1. Березович Е.Л. Уральская школа этимологии, ономастики, этнолингвистики // Научные школы Уральского федерального университета : энцикл. / ред. В.В. Запарий. Екатеринбург, 2020. С. 263–276.
2. Березович Е.Л., Варбот Ж.Ж., Гусева Л.Г., Рут М.Э. Что такое научные школы и как они рождаются (Уральская топонимическая школа: к 80-летию ее основателя) // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 258–271.
3. Рут М.Э. Топонимической экспедиции Уральского университета 50 лет // Вопросы ономастики. 2011. № 2 (11). С. 61–69.
4. Феоктистова Л.А. Этнолингвистические исследования в Уральском университете // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury 18 / ed. by Jerzy Bartmiński. Lublin, 2006. S. 29–46.
5. Березович Е.Л., Осипова К.В. Уральская школа этимологии, ономастики и этнолингвистики // Etnolingwistyka – bilans dyscypliny: metody i postulaty badawcze. Т. 1. / I Międzynarodowy Kongres etnolingwistów ; red. nauk. S. Niebrzegowska-Bartmińska, A. Głaz. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2022. S. 141–160.
6. Словарь русских говоров Среднего Урала / гл. ред. А.К. Матвеев. Т. 1–7. Свердловск, 1964–1987.
7. Традиционная культура Урала: Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала (Электронный ресурс) / авт.-сост. О.В. Востриков, В.В. Липина. Екатеринбург, 2009. 1 CD-ROM.
8. Словарь говоров Русского Севера / гл. ред. А.К. Матвеев. Т. 1–. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–.
9. Матвеев А.К. Географические названия Урала: Топонимический словарь. Екатеринбург : ИД «Сократ», 2008. 352 с.
10. Матвеев А.К. Нёройки караулят Урал. Путешествие в Топонирию. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2023. 176 с.
11. Иванова Е.Э. По Чусовой: топонимический словарь. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. 260 с.
12. Рут М.Э. Словарь астронимов: звездное небо по-русски. М., 2010.
13. Воронцова Ю.Б. Словарь коллективных прозвищ. М. : АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2011. 448 с.
14. Атрошенко О.В., Кривошапова Ю.А., Осипова К.В. Русский народный календарь: Этнолингвистический словарь / науч. ред. Е.Л. Березович. М. : АСТ-ПРЕСС, 2015. 544 с.
15. Русский Север: лексика и ономастика / редкол.: Е.Л. Березович, Н.В. Кабинина, В.С. Кучко, К.В. Осипова. М. : Индрик, 2021. 840 с.
16. Володина Т.В., Антропов Н.П. Белорусская этнолингвистика в XXI столетии: состояние, проблемы и перспективы // Etnolingwistyka – bilans dyscypliny: metody i postulaty badawcze. Т. 1 / I Międzynarodowy Kongres etnolingwistów ; red. nauk. S. Niebrzegowska-Bartmińska, A. Głaz. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2022. P. 161–182.
17. Etnolingwistyka – bilans dyscypliny: metody i postulaty badawcze. Т. 1 / I Międzynarodowy Kongres etnolingwistów ; red. nauk. S. Niebrzegowska-Bartmińska, A. Głaz. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2022. 341 p.
18. Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. 148 с.
19. Березович Е.Л. Топонимия Русского Севера : Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998. 338 с.
20. Родионова И.В. Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 251 с.
21. Воронцова Ю.Б. Коллективные прозвища в русских говорах : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 294 с.

22. *Атрошенко (Моргунова) О.В.* Русская народная хрономимия : системно-функциональный и лексикографический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012. 713 с.
23. *Макарова А.А.* Маркеры рудных месторождений в топонимии Русского Севера и Среднего Урала // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4(17). С. 62–83.
24. *Голикова Д.М.* Системные связи личных имен христианской традиции через призму отантропонимических дериватов : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2019. 193 с.
25. *Кривошапова Ю.А.* Образ Волги в русской языковой традиции // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6, № 4. С. 1188–1201.
26. *Кривошапова Ю.А., Макарова А.А.* Из материалов к Словарю русских топонимических образований: Сибирь (пробная статья) // Вопросы ономастики. 2010. № 2 (9). С. 106–122.
27. *Сурикова О.Д.* Ономастикон «Причитаний Северного края» Е.В. Барсова // Вопросы ономастики. 2020. № 3 (17). С. 104–155.
28. *Feoktistova L., Spiridonov D.* Русский Иван и его «братья»: польск. Jan и фр. Jean (К вопросу о этнокультурной специфике личного имени) // *Acta Onomastica*. 2016. № 56. С. 76–92.
29. *Феоктисова Л.А.* К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени // Вопросы ономастики. 2016. № 1 (13). С. 85–116.
30. *Феоктисова Л.А.* Еще раз о паронимической аттракции к личному имени (на примере имени Елена в русских народных говорах) // Вопросы ономастики. 2019. № 1 (16). С. 53–70.
31. *Кучко В.С.* Семантико-мотивационное поле «ложь, обман» в языковом пространстве русских говоров : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017. 339 с.
32. *Тихомирова А.В.* Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 350 с.
33. *Борисова Е.О.* Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 306 с.
34. *Кривошапова Ю.А.* Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 252 с.
35. *Осипова К.В.* Названия хлеба на Русском Севере : этнолингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 148–167.
36. *Леонтьева Т.В.* Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015. 427 с.
37. *Синица Н.А.* Портретирование как методика этнолингвистических исследований (на материале образов священнослужителей в славянских языках) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2018. 311 с.
38. *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. 600 с.
39. *Березович Е.Л.* Русская лексика на общеславянском фоне : семантико-мотивационная реконструкция. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. 488 с.
40. *Леонтьева Т.В.* Лексика социальной регуляции в русских народных говорах. Екатеринбург : РГПУ, 2013. 218 с.
41. *Шабалина Е.В.* Семантико-мотивационное своеобразие русской лексики с числовым компонентом: этнолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011. 175 с.
42. *Верхотурова К.С.* Огонь в зеркале русского языка : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 213 с.

43. *Попова Е.В.* Когнитивная интерпретация системно-мотивационных отношений (на примере анализа «территориальных» значений этимологических гнезд *гран-* и *меж(д)-* в русском языке) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 181 с.

44. *Пьянкова К.В.* Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции : этнолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 251 с.

45. *Осипова К.В.* Лексика пивоварения на Русском Севере: этнолингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 57–73.

46. *Кучко В.С.* К этимологизации диалектных омонимов: волог. *калаушка* // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 188–205.

47. *Едалина А.А.* Семантико-мотивационная организация лексического множества «Качественная характеристика человека по отношению к собственности» (на материале русских народных говоров) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 256 с.

48. *Осипова К.В.* Севернорусские названия муки и хлеба из разных сортов зерна : семантико-мотивационный аспект // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 3. С. 276–290.

49. *Осипова К.В.* О принципах составления этнолингвистического словаря «Пища Русского Севера»: на примере статьи «Каша» // Научный альманах «Традиционная культура». 2017. № 4(68). С. 111–123.

50. *Бондаренко Е.Д.* Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание. М. : Индрик, 2021. 582 с.

51. *Березович Е.Л., Сурикова О.Д.* О лингвопрагматике русских демонимических проклятий // Shagi/Steps. 2021. Т. 7, № 2. С. 268–287.

52. *Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д.* Имена деревьев в восточнославянских заговорах // Вопросы ономастики. 2021. № 1 (18). С. 9–61.

53. *Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д.* Топонимия заговоров Русского Севера. III: Камни // Вопросы ономастики. 2019. № 2 (16). С. 7–68.

54. *Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д.* Топонимия заговоров Русского Севера. I: Моря и реки // Вопросы ономастики. 2018. № 1 (15). С. 65–114.

55. *Агапкина Т.А., Березович Е.Л., Сурикова О.Д.* Топонимия заговоров Русского Севера. II: Земли. Горы. Острова. Города // Вопросы ономастики. 2018. № 2 (15). С. 28–69.

56. *Осипова К.В.* Севернорусская лексика пищи и питания в этнолингвистическом аспекте : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2023.

57. *Березович Е.Л., Бондаренко Е.Д.* «Тканевая» метафора речевой деятельности // Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014. С. 324–340.

58. *Березович Е.Л., Осипова К.В.* Судьба имени в свете подхода *Wörter und Sachen*: Соломон в русских говорах и просторечии // Русский язык в научном освещении. 2018. № 2 (36). С. 123–147.

59. *Березович Е.Л., Рут М.Э.* Ономастиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания // Известия Уральского университета. 2000. № 3 (17). С. 33–38.

60. *Березович Е.Л.* К изучению нестандартной лексики камня в русском языке: постановка вопроса // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 4 (202). С. 9–28.

61. *Иванова Е.Э.* Названия копей Самоцветной полосы Урала: номинативные типы и модели // Вопросы ономастики. 2020. № 2 (17). С. 107–134.

62. *Кривошапова Ю.А.* Имена камней как лингвокультурный символ Урала // Вопросы ономастики. 2020. № 3 (17). С. 241–262.

63. Сурикова О.Д. Лексические единицы с приставкой и предложением *без* в русских народных говорах и фольклоре: семантико-мотивационный и этнолингвистический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 604 с.

References

1. Berezovich, E.L. (2020) Ural'skaya shkola etimologii, onomastiki, etnolingvistiki [Ural school of etymology, onomastics, ethnolinguistics]. In: Zapariy, V.V. (ed.) *Nauchnye shkoly Ural'skogo federal'nogo universiteta: entsiklopediya* [Scientific Schools of the Ural Federal University: Encyclopedia]. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 263–276.

2. Berezovich, E.L. et al. (2006) Chto takoe nauchnye shkoly i kak oni rozhdaysya (Ural'skaya toponimicheskaya shkola: k 80-letiyu ee osnovatelya) [What are scientific schools and how they are born (Ural toponymic school: on the 80th anniversary of its founder)]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2 (12). pp. 258–271.

3. Rut, M.E. (2011) Toponimicheskoy ekspeditsii Ural'skogo universiteta 50 let [Toponymic expedition of the Ural University is 50 years old]. *Voprosy onomastiki*. 2 (11). pp. 61–69.

4. Feoktistova, L.A. (2006) Etnolingvистические исследования в Уралском университете [Ethnolinguistic research at the Ural University]. *Etnolingvистика: Problemy yazyka i kultury*. 18. pp. 29–46.

5. Berezovich, E.L. & Osipova, K.V. (2022) [Ural school of etymology, onomastics and ethnolinguistics]. *Etnolingvистика – bilans dyscypliny: metody i postulaty badawce*. Proceedings of the 1st International Congress of Ethnolinguists. Vol. 1. Lublin. 20–24 June 2021. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. pp. 141–160. (In Russian).

6. Matveev, A.K. (ed.) (1964–1987) *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala* [Dictionary of Russian Dialects of the Middle Urals]. Vol. 1–7. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

7. Vostrikov, O.V. & Lipina, V.V. (eds) (2009) *Traditsionnaya kul'tura Urala: Dialektnyy etnoideograficheskiy slovar' russkikh govorov Srednego Urala* [Traditional Culture of the Urals: Dialectal ethnoideographic dictionary of Russian dialects of the Middle Urals]. Yekaterinburg: Sverdlovskiy oblastnoy Dom fol'klora. 1 CD-ROM.

8. Matveev, A.K. (ed.) (2001) *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of Dialects of the Russian North]. Vol. 1. Yekaterinburg: Ural State University.

9. Matveev, A.K. (2008) *Geograficheskie nazvaniya Urala: Toponimicheskii slovar'* [Geographical Names of the Urals: Toponymic dictionary]. Yekaterinburg: ID "Sokrat".

10. Matveev, A.K. (2023) *Neroyki karaulyat Ural. Puteshestvie v Toponimiyu* [The Neroiks are Guarding the Urals. Journey to Toponymy]. Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.

11. Ivanova, E.E. (2013) *Po Chusovoy: toponimicheskii slovar'* [Along the Chusovaya: Toponymic dictionary]. Yekaterinburg: Ural State University.

12. Rut, M.E. (2010) *Slovar' astronomov: zvezdnoe nebo po-russki* [Dictionary of Astronomers: Starry sky in Russian]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.

13. Vorontsova, Yu.B. (2011) *Slovar' kolektivnykh prozvizhch* [Dictionary of Collective Nicknames]. Moscow: AST-PRESS-KNIGA.

14. Atroshenko, O.V., Krivoshchapova, Yu.A. & Osipova, K.V. (2015) *Russkiy narodnyy kalendar': Etnolingvистический словарь* [Russian Folk Calendar: Ethnolinguistic dictionary]. Moscow: AST-PRESS.

15. Berezovich, E.L. et al. (eds) (2021) *Russkiy Sever: leksika i onomastika* [Russian North: Vocabulary and onomastics]. Moscow: Indrik.

16. Volodina, T.V. & Antropov, N.P. (2022) [Belarusian ethnolinguistics in the 21st century: state, problems and prospects]. *Etnolingvистика – bilans dyscypliny: metody i postulaty badawce*. Proceedings of the 1st International Congress of Ethnolinguists. Vol. 1. Lublin. 20–

24 June 2021. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. pp. 161–182. (In Russian).

17. Niebrzegowska-Bartmińska, S. & Głaz, A. (eds) (2022) *Etnolingwistyka – bilans dyscypliny: metody i postulaty badawcze*. Proceedings of the 1st International Congress of Ethnolinguists. Vol. 1. Lublin. 20–24 June 2021. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

18. Rut, M.E. (1992) *Obraznaya nominatsiya v russkom yazyke* [Figurative Nomination in the Russian Language]. Yekaterinburg: Ural State University.

19. Berezovich, E.L. (1998) *Toponimiya Russkogo Severa: Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Toponymy of the Russian North: Ethnolinguistic studies]. Yekaterinburg: Ural State University.

20. Rodionova, I.V. (2000) *Imena bibleysko-khristianskoy traditsii v russkikh narodnykh govorakh* [Names of the biblical Christian tradition in Russian folk dialects]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

21. Vorontsova, Yu.B. (2002) *Kollektivnye prozvizhcha v russkikh govorakh* [Collective nicknames in Russian dialects]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

22. Atroshenko (Morgunova), O.V. (2012) *Russkaya narodnaya khrononimiya: sistemno-funktional'nyy i leksikograficheskiy aspekty* [Russian folk chrononymy: systemic-functional and lexicographic aspects]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

23. Makarova, A.A. (2020) Markery rudnykh mestorozhdeniy v toponimii Russkogo Severa i Srednego Urala [Markers of ore deposits in the toponymy of the Russian North and the Middle Urals]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*. 4-22 (17). pp. 62–83.

24. Golikova, D.M. (2019) *Sistemnye svyazi lichnykh imen khristianskoy traditsii cherez prizmu otantropnimicheskikh derivatov* [Systemic connections of personal names of the Christian tradition through the prism of onomastic derivatives]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

25. Krivoshchapova, Yu.A. (2018) *Obraz Volgi v russkoy yazykovoy traditsii* [The image of the Volga in the Russian linguistic tradition]. *Quaestio Rossica*. 4 (6). pp. 1188–1201.

26. Krivoshchapova, Yu.A. & Makarova, A.A. (2010) Iz materialov k Slovaryu russkikh toponimicheskikh obrazovaniy: Sibir' (probnaya stat'ya) [From materials for the Dictionary of Russian Toponymic Formations: Siberia (trial article)]. *Voprosy onomastiki*. 2 (9). pp. 106–122.

27. Surikova, O.D. (2020) Onomastikon “Prichitaniy Severnogo kraya” E.V. Barsova [Onomasticon of Lamentations of the Northern Region by E.V. Barsov]. *Voprosy onomastiki*. 3 (17). pp. 104–155.

28. Feoktistova, L. & Spiridonov, D. (2016) *Russkiy Ivan i ego “brat'ya”: pol'sk. Jan i fr. Jean (K voprosu o etnokul'turnoy spetsifike lichnogo imeni)* [Russian Ivan and his “brothers”: Polish Jan and French Jean (On the issue of ethnocultural specificity of a personal name)]. *Acta Onomastica*. 56. pp. 76–92.

29. Feoktistova, L.A. (2016) K metodike analiza assotsiativno-derivatsionnoy semantiki lichnogo imeni [Towards a methodology for analyzing the associative-derivative semantics of a personal name]. *Voprosy onomastiki*. 1 (13). pp. 85–116.

30. Feoktistova, L.A. (2019) Eshche raz o paronimicheskoy attraktsii k lichnomu imeni (na primere imeni Elena v russkikh narodnykh govorakh) [Once again about paronymic attraction to a personal name (using the example of the name Elena in Russian folk dialects)]. *Voprosy onomastiki*. 1 (16). pp. 53–70.

31. Kuchko, V.S. (2017) *Semantiko-motivatsionnoe pole “lozh’, obman” v yazykovom prostranstve russkikh narodnykh govorov* [Semantic-motivational field “lie, deception” in the linguistic space of Russian folk dialects]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

32. Tikhomirova, A.V. (2013) *Assotsiativno-derivatsionnaya i frazeologicheskaya semantika naimenovaniy odezhd v russkoy yazykovoy traditsii* [Associative-derivative and

phraseological semantics of clothing names in the Russian linguistic tradition]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

33. Borisova, E.O. (2016) *Russkaya leksika so znacheniem bystryi i medlitel'nosti v semantiko-motivatsionnom aspekte* [Russian vocabulary with the meaning of speed and slowness in the semantic and motivational aspect] Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

34. Krivoshchapova, Yu.A. (2007) *Russkaya entomologicheskaya leksika v etnolingvisticheskom osveshchenii* [Russian entomological vocabulary in ethnolinguistic coverage]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

35. Osipova, K.V. (2022) Names of bread in the Russian North: An ethnolinguistic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 148–167. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/75/7

36. Leont'eva, T.V. (2015) *Modeli i sfery reprezentatsii sotsial'no-regulyativnoy semantiki v russkoy yazykovoy traditsii* [Models and spheres of representation of social-regulatory semantics in the Russian language tradition]. Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.

37. Sinita, N.A. (2018) *Portretirovanie kak metodika etnolingvisticheskikh issledovaniy (na materiale obrazov svyashchennosluzhiteley v slavyanskikh yazykakh)* [Portraiting as a method of ethnolinguistic research (based on the images of clergy in Slavic languages)]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

38. Berezovich, E.L. (2007) *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic studies]. Moscow: Indrik.

39. Berezovich, E.L. (2014) *Russkaya leksika na obshchoslavyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian Vocabulary on a Common Slavic Background: semantic-motivational reconstruction]. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke.

40. Leont'eva, T.V. (2013) *Leksika sotsial'noy regulyatsii v russkikh narodnykh govorakh* [Vocabulary of Social Regulation in Russian Folk Dialects]. Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University.

41. Shabalina, E.V. (2011) *Semantiko-motivatsionnoe svoeobrazie russkoy leksiki s chislovyim komponentom: etnolingvisticheskiy aspekt* [Semantic-motivational originality of Russian vocabulary with a numerical component: ethnolinguistic aspect]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

42. Verkhoturova, K.S. (2009) *Ogon' v zerkale russkogo yazyka* [Fire in the mirror of the Russian language]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

43. Popova, E.V. (2013) *Kognitivnaya interpretatsiya sistemno-motivatsionnykh otnosheniy (na primere analiza "territorial'nykh" znacheniy etimologicheskikh gnezd gran- i mezh(d)- v russkom yazyke)* [Cognitive interpretation of systemic-motivational relations (on the example of the analysis of "territorial" meanings of the etymological nests of gran- and inter(d)- in the Russian language)]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

44. P'yankova, K.V. (2008) *Leksika, oboznachayushchaya kategorial'nye priznaki pishchi, v russkoy yazykovoy traditsii: etnolingvisticheskiy aspekt* [Vocabulary denoting categorical attributes of food in the Russian linguistic tradition: ethnolinguistic aspect]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

45. Osipova, K.V. (2017) Brewing vocabulary in the Russian North: an ethnolinguistic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 48. pp. 57–73. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/48/4

46. Kuchko, V.S. (2016) K etimologizatsii dialektnykh omonimov: volog, kalaushka [On the etymologization of dialect homonyms: Volog. Kalaushka]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2 (32). pp. 188–205.

47. Edalina, A.A. (2016) *Semantiko-motivatsionnaya organizatsiya leksicheskogo mnozhestva "Kachestvennaya kharakteristika cheloveka po otnosheniyu k sobstvennosti" (na materiale russkikh narodnykh govorov)* [Semantic-motivational organization of the lexical set

“Qualitative characteristics of a person in relation to property” (based on Russian folk dialects)]. *Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.*

48. Osipova, K.V. (2021) Severnorusskie nazvaniya muki i khleba iz raznykh sortov zerna: semantiko-motivatsionnyy aspekt [Northern Russian names of flour and bread from different types of grain: semantic and motivational aspect]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki.* 3 (23). pp. 276–290.

49. Osipova, K.V. (2017) O printsipakh sostavleniya etnolingvisticheskogo slovarya “Pishcha Russkogo Severa”: na primere stat'i “Kasha” [On the principles of compiling the ethnolinguistic dictionary “Food of the Russian North”: using the example of the article “Porridge”]. *Nauchnyy al'manakh “Traditsionnaya kul'tura”.* 4 (68). pp. 111–123.

50. Bondarenko, E.D. (2021) *Naivnaya lingvistika i dialektnoe yazykovoe soznanie* [Naive linguistics and dialect linguistic consciousness.]. Moscow: Indrik.

51. Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2021) O lingvopragmatike russkikh demonimicheskikh proklyatiy [On the linguopragmatics of Russian demonic curses]. *Shagi/Steps.* 2 (7). pp. 268–287.

52. Agapkina, T.A., Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2021) Imena derev'ev v vostochnoslavjanskikh zagovorakh [Names of trees in East Slavic spells]. *Voprosy onomastiki.* 1 (18). pp. 9–61.

53. Agapkina, T.A., Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2019) Toponimiya zagovorov russkogo severa. III: Kamni [Toponymy of conspiracies of the Russian north. III: Stones]. *Voprosy onomastiki.* 2 (16). pp. 7–68.

54. Agapkina, T.A., Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2018) Toponimiya zagovorov Russkogo Severa. I: Morya i reki [Toponymy of conspiracies of the Russian North. I: Seas and rivers]. *Voprosy onomastiki.* 1 (15). pp. 65–114.

55. Agapkina, T.A., Berezovich, E.L. & Surikova, O.D. (2018) Toponimiya zagovorov Russkogo Severa. II: Zemli. Gory. Ostrova. Goroda [Toponymy of conspiracies of the Russian North. II: Earth. Mountains. Islands. Cities]. *Voprosy onomastiki.* 2 (15). pp. 28–69.

56. Osipova, K.V. (2023) *Severnorusskaya leksika pishchi i pitaniya v etnolingvisticheskom aspekte* [Northern Russian vocabulary of food and nutrition in the ethnolinguistic aspect]. *Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.*

57. Berezovich, E.L. & Bondarenko, E.D. (2014) “Tkanevaya” metafora rechevoy deyatel'nosti [“Fabric” metaphor of speech activity]. In: Berezovich, E.L. (ed.) *Russkaya leksika na obshchoslavjanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian Vocabulary on a Common Slavic Background: Semantic-motivational reconstruction]. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke. pp. 324–340.

58. Berezovich, E.L. & Osipova, K.V. (2018) Sud'ba imeni v svete podkhoda Wörter und Sachen: Solomon v russkikh govorakh i prostorechii [The fate of the name in the light of the approach of Wörter und Sachen: Solomon in Russian dialects and vernacular]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii.* 2 (36). pp. 123–147.

59. Berezovich, E.L. & Rut, M.E. (2000) Onomasiologicheskii portret realii kak zhanr lingvokul'turologicheskogo opisaniya [Onomasiological portrait of reality as a genre of linguocultural description]. *Izvestiya Ural'skogo universiteta.* 3 (17). pp. 33–38.

60. Berezovich, E.L. (2020) K izucheniyu nonstandartnoy leksiki kamnya v russkom yazyke: postanovka voprosa [Towards the study of non-standard vocabulary of stone in the Russian language: posing the question]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki.* 4–22 (202). pp. 9–28.

61. Ivanova, E.E. (2020) Nazvaniya kopey Samotsvetnoy polosy Urala: nominativnye tipy i modeli [Names of mines of the semi-precious strip of the Urals: nominative types and models]. *Voprosy onomastiki.* 2 (17). pp. 107–134.

62. Krivoshchapova, Yu.A. (2020) Imena kamney kak lingvokul'turnyy simvol Urala [Names of stones as a linguocultural symbol of the Urals]. *Voprosy onomastiki.* 3 (17). pp. 241–262.

63. Surikova, O.D. (2016) *Leksicheskie edinitiy s pristavkoy i predlogom bez v russkikh narodnykh govorakh i fol'klore: semantiko-motivatsionnyy i etnolingvisticheskiy aspekty* [Lexical units with a prefix and a preposition without in Russian folk dialects and folklore: semantic-motivational and ethnolinguistic aspects]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

Информация об авторах:

Березович Е.Л. – д-р филол. наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: berezovich@yandex.ru

Осипова К.В. – д-р филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: osipova.ks.v@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.L. Bereзович, Dr. Sci. (Philology), professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: berezovich@yandex.ru

K.V. Osipova, Dr. Sci. (Philology), associate professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: osipova.ks.v@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.06.2023;
одобрена после рецензирования 14.10.2023; принята к публикации 25.03.2024.*

*The article was submitted 10.06.2023;
approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 25.03.2024.*